

Елена МАРКОВА

г. Петрозаводск

СВЕТ РЯБИНОВЫЙ

(Олег Мишин – Армас Хийри
15.02.1935-09.10.2018)

Самое короткое стихотворение Олега Мишина складывается в четыре слова: «Был ли я вообще?» Читатель точно знает: был и есть.

Этими словами в 1995 году открывалась моя газетная публикация, посвященная 60-летию юбилею поэта. Неожиданное вступление настолько понравилось Армасу Иосифовичу, что он вспомнил его через 20 лет – в годовщину своего 80-летия. Позволю себе повторить еще раз вопрос поэта то ли к себе, то ли к читателям: «Был ли я вообще?» И от имени читателей отвечу на него: поэт Олег Мишин – Армас Хийри был на нашей Земле и останется с нами со своими русскими и финскими стихами, переводами, статьями... Всего не перечислишь: настолько богато его творческое наследство.

Родился он в 1935 году. Через 6 лет в жизнь страны вошла война и жестоко распорядилась судьбой миллионов. У него отняла детство и забрала здоровье, вот и видел он «Наркозные сны в госпитале инвалидов Отечественной войны». Взяла и не вернула отца. Украла Родину и материнский язык.

*Рок был к нам неласков.
Сталинский помнится жест:
Род мой ингерманландский
Согнан с родимых мест.*

Национальные корни Олега Мишина – в деревне Пустошка Мгинского района Ленинградской области. Российские финны называли свои поселения по-старинному: Инкеринмаа (Ингерманландия). В Великую Отечественную войну, как известно, ингерманландцы были не просто эвакуированы, а навсегда выселены со своих земель. Семья будущего поэта оказалась в Омске. Там он «забыл язык отцовский»: первую и последнюю букву алфавита учился писать по-русски:

*«А» старательно выводит
тонким прутиком на земле.
«А» он складывает из листьев,
«А» рисует на стекле.*

По окончании войны ингерманландцы были расселены по разным районам страны. Семья будущего поэта обосновалась в Пудоже, малень-

ком карельском городке, тем не менее хорошо известном фольклористам. И сам райцентр, и окрестные селения славились своими сказителями и певуньями – русскими самородками. Это и обогащало юношу, и в то же время способствовало его этнической переориентации: он ощущал себя русским. К тому же сибирские учителя предпочитали называть его на свой лад: «Алик». Так с тех пор и повелось: Алик – Олег. Он окончил Пудожское педагогическое училище, затем Карельский педагогический институт, работал в вечерней школе учителем русского языка и литературы и писал стихи на русском языке. Полюбил его настолько, что даже во сне к нему приходили рифмованные строки, «как будто их кто диктовал». «Легкокрылый Пегас» был щедр к поэту: «надиктовал» 20 русских книг. Стихи, стихи, есть и проза, художественная и филологическая.

Первые книги Мишина («В дорогу», 1961; «Голубая улица», 1963; «Бессонница», 1966; «Солнечный день», 1970) хорошо вписывались в русскую поэзию 1960-х годов, воспевавшую романтику буден. Мишин начал свой творческий путь как поэт рабочей темы.

Благодаря матери, работавшей в литейном цехе, он по-настоящему освоился в рабочей среде, чувствовал поэзию труда. Понимал, что именно труд дает ощущение полноты жизни, поэтому и сравнивал работу вагранщика с обязанностями виночерпия на пиру:

*Неторопливо и степенно
Всем наливает от души.
Как будто чаши с брагой пенной,
Стальные подняты ковши.*

Постепенно поэтическая палитра молодого поэта обогащается новыми красками. Его герой предстает прежде всего в роли путешественника, взору которого открывается мир во всем его движении и многообразии. Мотив пути, сюжеты и образы путешествий становятся определяющими в лирике Мишина. Его герой путешествует на поезде зимой и летом: «Облепило снегом талым насыпи и виадук, Белые на черном шпалы в зиму новую ведут» («Облепило снегом талым»); «Косматый хвост откинув на ветру, сверканьем солнечным облит, состав товарный, зноем поднятый, вдали над рельсами летит» («Жара»). Пассажирские, товарные и рабочие поезда, дорога, рельсы, шпалы, вокзалы – все становится предметом описания. Герой реже, но путешествует на машине и пароходе, идет пешком и скользит на лыжах. Соответственно,

он глядит в «Смотровое зеркальце», и на его поэтической карте появляются «Полевая дорога», «Лежневая дорога» и т.д.

Лирика Мишина, вписываясь в систему русской романтической поэзии 1960-х годов, имела свои отличительные черты. Русский человек выходит из дома на дорогу и возвращается из путешествия в отчий дом. Образ дома отсутствует в лирике Мишина, что указывает на особый статус его героя. Это маргинальный человек, покинувший в войну дом детства и так и не обретший другой. Хотя дома (на Мге, на Водле, на Иртыше, в Петрозаводске) постоянно присутствуют в творчестве поэта, но они являются не местом обитания, а остановкой в пути. Герой Мишина то находится на пути к дому, то покидает его. Уютнее всего, похоже, он чувствует себя на вокзале:

*А на вокзале, как всегда,
дороги ожидание,
притягивают города,
притягивают расстояния.*

Маргинальный человек, как правило, очень тяжело, порой трагически, ощущает свою бездомность, неукорененность, чего не скажешь о герое Мишина 1960–1970-х годов, который нашел свое средство защиты от бездомности. Осознав значимость каждого мгновения в жизни, он делится с читателями впечатлениями о том, что он ощутил в таинственный миг встречи с природой – той опорой, которую никто у человека отнять не может.

Характерную для русской поэзии оппозицию «дом / дорога» в лирике Мишина сменяет оппозиция «беспрерывное движение/запечатленное (остановленное) мгновение». Поэтому в дороге (да и в доме) для него важно окно, что закреплено в названии его стихотворений: «Из окна вагона»; «Проплывает за окном мой край»; «Ночной пейзаж из окна автобуса»; «За окном квартиры городской»; «Мы стоим у ночного окна»; «За окошком – весна». Воистину прав поэт, утверждая: «Мои окна смотрят в мир».

В постоянно меняющемся мире поэт стремится задержать, остановить мгновение, сказать ему: «Ты прекрасно!» Об этой черте лирики Мишина хорошо сказал критик А. Гидони, основательно проанализировавший в статье «Изнутри озаренный мир» (Север. 1972. №5) его художественный мир: «... главная сила его пока что в лирике малых форм и камерного звучания. ... полутонув, ... многообразных переходов света в тень – и наоборот; счастья в горечь – и обратно,

реального быта – в поэзию, и поэзии – в реальность быта». Возможно, здесь сказался инстинкт самосохранения представителя малого народа, которому помогала выжить красота. Поэтому зло напоминает о себе в лирике Мишина исподволь. Оно обыденно, оно настолько стало частью человеческой жизни, что далеко не всегда замечается. Правда, сам лирический герой постоянно ощущает уколы боли, как ребенок, напорившийся о колючую проволоку, лежавшую на земле со времен войны и скрытую от глаз людских цветами («Колючая проволока»). Однако это состояние быстро проходит, и он, как правило, не заявляет о своем стремлении к сопротивлению, чаще выступает в роли созерцателя. Так, наблюдая из окна автобуса за уходящими на разбой волками («Толстогорлы и крутолобы, / По-пластунски, взрывая наст, / через пади, через сугробы / уходили они от нас»), герой всего лишь навсегда констатирует: «По земле еще ходит зло».

Отстраненность от конфликта тоже была приметой времени. Пафос борьбы, если не знаешь, с кем идти и куда идти, звучит фальшиво. А Мишин стремился быть искренним. Была еще одна причина для дедрамматизации событий. Так, герой не может не видеть тотального наступления на природу, однако устраняется, потому что верит в ее жизнеспособность. Как писал критик Л. Резников (Север.1980. №5), природа в лирике Мишина настолько сильна, что способна за себя постоять, она будто знает, что «сама себя спасет», пробиваясь «цветами и травой» сквозь сваленный на дороге шлак, заглущая «медовым ароматом» запахи мазута. Еще ранее по этому поводу А. Гидони писал: «Вряд ли так уж силен «аромат цветов», чтобы заглушить все «мазутные запахи», но поэт, разумеется, вправе подчеркнуть свое мажорное восприятие житейских коллизий, свое ощущение победоносности красоты в ее столкновении с повседневностью».

Жизнь Олега Мишина, казалось, навсегда опередилась. И все же... «Вечны родного наречья слова, / всюду с тобою они и со мною». Давным-давно заложенные ингерманландские семена стали прорастать в душе поэта и потянули за собой новую череду изменений в его судьбе. Этому способствовала карельская литературная среда. В молодости (да и позднее) для Мишина был чрезвычайно значим авторитет Тайсто Сумманена. Потомок красного финна, яркий поэт, он писал по-фински и считал, что все финны должны следовать его примеру. Напомним, что тогда по-фински писали не толь-

ко финны, но и писатели-карелы. Армас Мишин и его товарищ Рейе Такала погрузились в стихию финской речи. Писали не для узкого круга литераторов, а для своих читателей. Фактически до 1956 года в местах компактного проживания карелов и вепсов преподавание велось на финском языке, поэтому читатели у них были, причем не только в Карелии, но и в Эстонии, а благодаря публикациям в советском финноязычном журнале «Пуналиппу» (издавался в Петрозаводске) в Финляндии и Швеции. Знание языка позволяло иметь пусть редкие, но личные контакты с зарубежными писателями и мало-помалу вписывать свои строки в контекст европейской литературы.

В 1976 году была опубликована первая книга стихов на материнском языке «Ikkuani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир»), подписанная родовым именем – Армас Хийри. Так поэт стал сыном двух народов – двух языков. Может, потому для него рябина – «святое дерево земли». Свою малую родину, свою Инкеринмаа он нежно называл «рябиновая моя родина». Но образ этого дерева характерен и для русских поэтов: для изгнанницы Марины Цветаевой («Мне и доньне хочется грызть / Жаркой рябины горькую кисть»), для излюбленного сына России Сергея Есенина («В саду горит костер рябины красной, / Но никого не может он согреть») и для поэта-воина Александра Яшина, назвавшего свою книгу лирической прозы «Угощаю рябиной», – для них это дерево является символом России.

1970-е годы ознаменовали новый этап в творчестве А.И. Мишина: он вплотную занялся историей и культурой финно-угорских народов, став по окончании аспирантуры научным сотрудником Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, в котором проработал с 1971 до середины 1985 года. Как известно, литература Финляндии развивается на финском и шведском языках. На долю Мишина выпало исследование шведоязычной словесности. Благодаря своим лингвистическим способностям он освоил и этот язык: подготовил 2 раздела для «Истории литературы Финляндии» (1977, основной исполнитель Э.Г.Карху) и монографию «Творчество Эльмера Диктониуса (1896 – 1961) и проблемы шведоязычной литературы» (1987). Э.Диктониус – представитель финляндского экспрессионизма. Как и многие поэты эпохи войн и революций, он прошел через увлечение философией Ницше и учением Маркса. Был в оппозиции к правительству, при этом всегда оставался

искренним патриотом своей страны. Не удивительно, что к 1946 году он стал настолько популярен, что был включен в список номинантов на Нобелевскую премию по литературе. Его темпераментные, выразительные стихи, насыщенная событиями биография не могли не увлечь исследователя. Книга получилась глубокой по содержанию, яркой по стилю изложения, изобилующей ранее не известными даже финскому читателю фактами. Она и по настоящее время является единственным в России монографическим исследованием творчества выдающегося финляндского поэта.

Параллельно с исследовательской работой Мишин продолжает писать и публиковать свои стихи. Так, с 1972 по 1986 год у него издано 9 книг: 6 – на русском языке (причем 2 опубликованы в Москве) и 3 – на финском («Мои окна смотрят в мир», «Врастать корнями в небо», «Ласточки моего дома»). Освоив в сорок лет «забытый» язык предков и начав писать на нем стихи, Мишин именно на финском языке перешел к новой форме лирического выражения – верлибру (кстати, характерной для Диктониуса). Обращение к свободному стиху вызвало резкую критику со стороны финноязычных писателей, ратовавших за верность традиционным формам. Надо сказать, что и в среде русских литераторов и читателей тоже не было единого мнения по этому вопросу. Вспоминается трансляция по Центральному телевидению встречи Константина Симонова с читателями. Среди множества вопросов к знаменитому поэту был и вопрос об его отношении к верлибру. Вместо ответа он прочитал ироническое стихотворение о невезучем поэте, который не мог не послать все и вся... Последняя строчка его исповеди звучала так: «Я выругался верлибром». Собравшихся в зале, да и у экранов телевизоров подобное объяснение вполне удовлетворило.

Уже в первый сборник стихов Мишин включил переводы произведений своих товарищей, что делал и впоследствии. Переводил не только своих современников, но и классиков, например, по просьбе композитора Романа Зелинского перевел 4 стихотворения Николая Клюева, вошедшего в его музыкальный цикл «Избятные песни» (2004). Но главной заслугой А.И. Мишина-переводчика является выполненный им в соавторстве с фольклористом Э.С. Киуру перевод на русский язык «Калевалы» (1995). Перевод Л.П. Бельского (1888) по праву считался классическим, и все же новое время требует и новых переводов. Такие попытки неоднократно

предпринимались, но они касались лишь отдельных рун. В 1970 году вышел в свет перевод избранных рун «Калевалы», выполненный двумя русскими поэтами, А. Титовым и М. Тарасовым, и двумя знатоками финской речи, поэтом Н.Лайне и исследовательницей А. Хурмеваара. Они хотели приблизить эпос к современному читателю, поэтому минимизировали архаичную лексику, постарались прояснить смысл древних обрядов. Им многое удалось: книга читалась легко. Конечно, не обошлось и без потерь, на что не могли не обратить внимание специалисты. В числе критиков А.И.Мишин был один из ярких и потому не раз слышал в ответ: «Переведи сам!» Пришлось ответить на вызов: они с Киуру приступили к работе, предварительно тщательно изучив параллельные тексты в карельском, ингерманландском и ижорском фольклоре и огромную литературу, посвященную эпосу. Они стремились в своем переводе высветить как глубокое погружение Элиаса Леннрота в фольклорно-мифологическую стихию, так и его творческую индивидуальность, ибо для них именно он был главным создателем «Калевалы», поэтому при издании своего перевода отдельной книгой они поставили имя Элиаса Леннрота на титуле, а привычное определение жанра «народный эпос» заменили другим – «поэма». Позиция переводчиков вызвала споры (см.: Север. 1996. №5-6. С.126-138), тем не менее, несмотря на разброс мнений, было бесспорно: проделана достойная уважения работа. В 1999 году переводчики были удостоены премии главы Республики Карелия «Сампо».

Вторая половина 1980-х годов стала для прибалтийско-финских народов Карелии временем национального ренессанса. На исходе XX века бесписьменные карельский и вепсский языки получили статус новописьменных. Были созданы буквари и учебники, из-под пера литераторов, доселе писавших по-русски, рождались строки на вепсском и трех диалектах карельского языка (ливвиковском, людиковском и собственно карельском). Здесь как нельзя кстати пригодился опыт Мишина-билингва. М.В. Казакова в статье «Проблемы билингвального контекста в истории литературы Карелии» (Гуманитарные исследования. Труды КарНЦ РАН. 2015. Вып.8. С.113-120) справедливо отмечает, что билингвальное творчество является характерной чертой литературы народов бывшего Советского Союза. Обычно писатели начинали писать на своем родном языке, а потом переходили на русский (пример тому – творчество Чинги-

за Айтматова), в Карелии же было по-иному: начинали писать по-русски, а потом вспоминали язык предков и учились писать на нем. Мишин понимал, что, в известной степени, ему было проще: он работал на финском языке с его богатými литературными традициями. У карелов и вепсов имелись отдельные опыты, но о развитии литературного языка не было и речи: его надо было писателям создавать. Им нужны были не только консультации опытного поэта, а образцы художественной речи на родном языке. Вместе с карелом-ливвиком А.Л. Волковым они искали эти образцы в старых изданиях, отбирали среди новых публикаций лучшие. Так родилось своеобразное собрание текстов на финно-угорских языках (3 книги), за которое соавторы были удостоены премии главы Республики Карелия «Сампо». И, конечно, без поддержки А.И.Мишина не могла появиться в Карелии новая детская писательница Ольга Федоровна Мишина. Жена поэта написала несколько книг на ливвиковском диалекте карельского языка. У нее, как и у других финно-угорских писателей Карелии, остро звучит тема утраченного языка. Маленькие героини ее книги «Одинаковые сны» (2000) потеряли в Великую Отечественную войну и своих родителей, и свой дом, и свой язык. Они определены в детский дом, где все говорят по-русски, и только в своих одинаковых снах дети видят маму и слышат ласковые слова на родном языке: «Minul lindane!» («Моя птичка!»).

Как сказано ранее, в 1985 году Мишин оставил работу в исследовательском институте, однако ушел он не «на вольные хлеба», а на работу в Карельское отделение Союза советских писателей. Сначала занимал пост заместителя председателя правления (им был Я.В. Ругоев), а в 1990 году был избран председателем. В этом качестве он пребывал на посту КРО СП России по 2004 год включительно. Архитяжелая ситуация в стране не могла не отразиться на положении в творческом союзе, о чем и говорил председатель в докладе на XI съезде писателей Карелии в октябре 1994 года (доклад был опубликован в 2013 году в сборнике «Эйно Карху. Человек. Филолог. Мыслитель», посвященном известному финно-угроведу, учителю А.И.Мишина). Тем не менее, несмотря на трудности, писатели продолжали творить. Охарактеризовав специфику литературного процесса тех лет, А.И. Мишин закончил доклад словами, актуальными и поныне: «Предназначение литературы сегодня... – лечить души, а не звать на баррикады, на борьбу, на войну, как было рань-

ше. Ведь наша родина ныне – вся планета, а ее подстерегают тысячи опасностей и катастроф. Экологизация сознания должна идти более интенсивно, чем раньше. Есть уверенность, что Россия все-таки одолеет сегодняшние невзгоды и трудности, и в этом она твердо может рассчитывать на писательскую поддержку».

Сам А.И. Мишин продолжал писать. У него выходили книга за книгой на русском и финском языках, в которых он размышлял о судьбе своей большой родины России и своего малого ингерманландского народа. Мотив пути по-прежнему был в его лирике определяющим, но впервые в книге «Свет рябиновый» (1990) обозначен его главный вектор:

*Вся моя жизнь –
возвращенье на родину
на всех видах транспорта,
лишь последние километры –
пешком.
Но и сегодня
я так же далек от цели –
о моя Ингерманландия!*

Поведав читателю о своей утраченной Ингерманландии, автор воссоздает дорогие ему образы вепсских, карельских и русских сел – все то, что слилось в его сердце в одно неразложимое понятие Родины – России.

Книга «Свет рябиновый» показывает, насколько расширился диапазон мишинской лирики. Поэт уже стремится перейти от воспевания прекрасного мгновения к осмыслению хода истории. В своей философской лирике Мишин попытался передать свое восприятие происшедших в стране перемен, определить свое место в новой исторической ситуации.

В эпоху перестройки, когда события стали меняться с космической быстротой, время в стихах Мишина будто застыло. Он так и пишет: «Время стоит». Старые ориентиры навсегда утрачены, новые не видны: «Что там грядущее прячет-таит?» В момент, когда «Век – на распутье. Душа – на распутье...», его герой невольно уходит в прошлое. Книга насыщена воспоминаниями, диалогами с ушедшими. Мишин ввел в свою жанровую систему эпитафию – обращение мертвых к живым: «Мертвые могут говорить только с живыми. / В этом и состоит связь времен».

В 1995 году Мишин впервые объединил в одной книге (пятнадцатой по счету) стихи на двух – родных – языках (финском и русском) и дал ей название, опять-таки впервые четко обозначив-

шее его национальную самоидентификацию, – «Песнь ингерманландца». А в своих последних книгах XX века на русском («На российском ветру», 2000) и финском («Время, когда вырастают крылья», 2000) поэт впервые создает образ дома. В поэме «Karjalainen talo» («Карельский дом») изображен родовой дом его жены-карелки, ставший его домом. Здесь звучит карельская и финская речь, слышны голоса мужчины и женщины, нынешних его обитателей, и голоса ушедших предков. Этот дом – дом его России:

*Вседневно занята трудом,
Она однажды воскресит
И новый свой построит дом,
Который ей столетья снится.*

XXI век не стал для О.Мишина – А.Хийри остановкой: новые книги стихов, новые переводы, новые статьи, работа в журнале «Carelia». Завершив свою деятельность в качестве председателя КРО Союза писателей России, он не утратил общественного темперамента: активно работал в Обществе ингерманландской культуры, вместе с поэтом Иваном Алексеевичем Костиным почти каждый месяц проводил литературные вечера, посвященные памяти великих поэтов и писателей Карелии. Чтобы помнили, не забывали, что северная земля согрета рябиновым светом замечательных творений.

В соавторстве с И.А.Костиным и композитором

А.С. Белобородовым создает гимн Республики Карелия (1993). Карелия воздала своему поэту по заслугам: и в советское, и в постсоветское время А.И.Мишин был отмечен высокими наградами. В 2011 году ему было присвоено почетное звание «Народный писатель Карелии».

Путь А.И.Мишина-человека завершен. Путешествие поэта в сердцах и душах читателей продолжается...

*Гори, гори, не угасай,
пылай святым огнем,
живи в душе, родимый край
с рябиной за окном.*

06.11.2018

□

Елена Ивановна МАРКОВА

в 1970 году окончила Петрозаводский университет.

*Завсектором литературоведения Института языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН.*

Доктор филологических наук.

Автор более 145 научных трудов, в том числе 8 книг.

Член Союза писателей России.

Член концертных деятелей России.

Лауреат премии Республики Карелия

*в области культуры, искусства и литературы,
заслуженный деятель науки Республики Карелия.*

